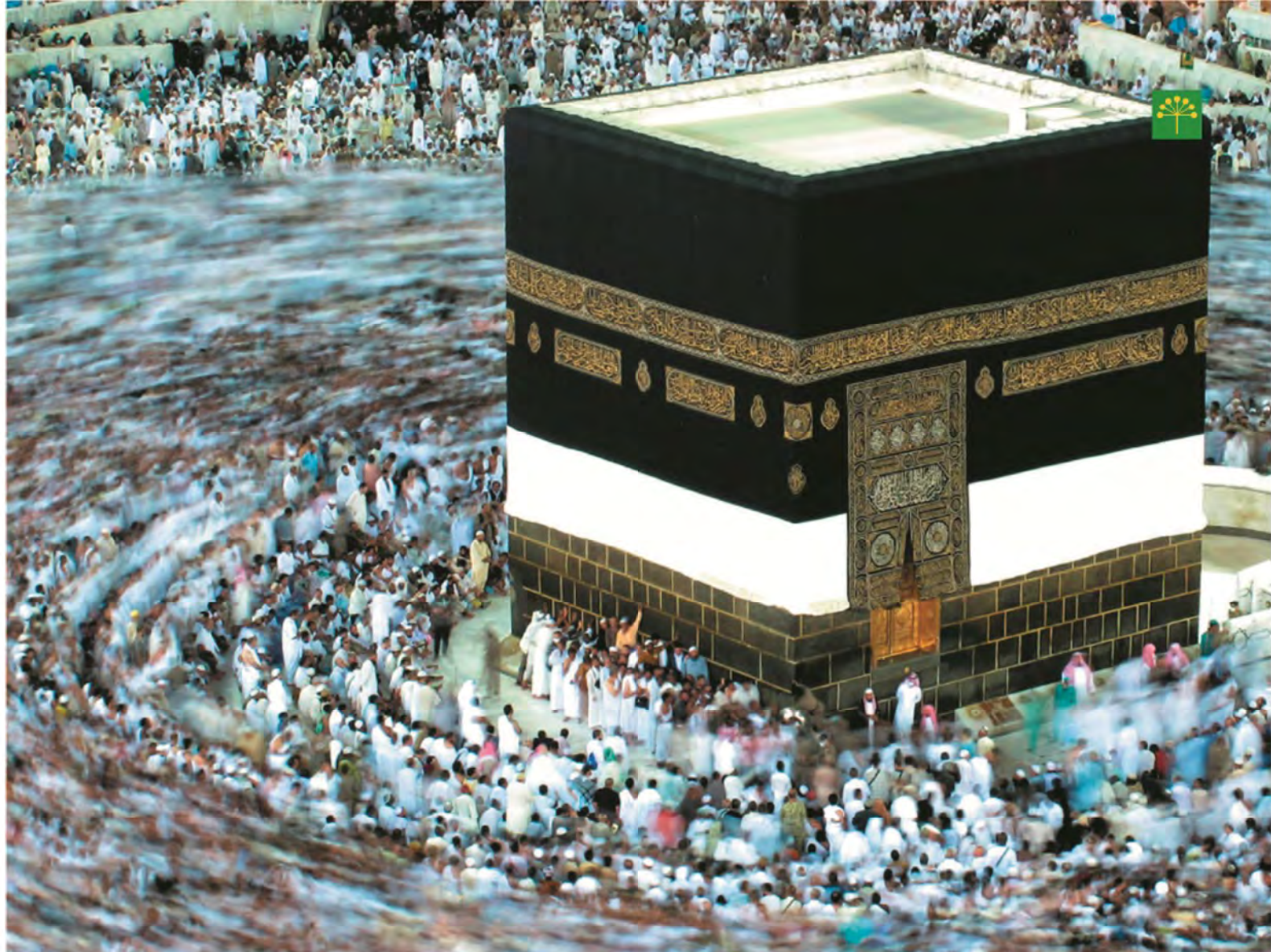

ХАДЖ: СВЯЩЕННЫЙ ПУТЬ МУСУЛЬМАН

*Зиля Хабибуллина,
Институт этнологических
исследований Уфимского
научного центра РАН*

Мусульманские традиции паломничества к святым местам прошли длительный период становления и развития на Южном Урале. В рамках данной статьи на основе архивных и этнографических материалов рассматривается история и современное состояние паломничества уральских мусульман в Мекку и Медину. Основное внимание уделено освещению условий совершения хаджа, его организации, показана динамика и состав нынешних паломников.

Уральские паломники у Горы Света (Джабалья Нур).
Фото Ш.Сихаева.

Запретная мечеть в Мекке.
Фото из архива ЦДУМ.

В исламе множество различных ритуалов охватывают почти все стороны жизни человека. Паломничество к святыням Мекки и Медины входит в число его пяти столпов. Каждый совершеннолетний мусульманин обязан, если он здоров и обеспечен материально, совершить хотя бы раз в жизни хадж. После этого он получает почетный титул хаджи («совершивший паломничество»), право носить зеленую чалму и уважение всех единоверцев. Вокруг него создается ореол особого благочестивого человека. Духовенство подчеркивает, что паломничество совершается для восхваления Аллаха и утверждения богобоязненности. В культурном сознании самих мусульман хадж мыслится духовным и телесным возвращением к Единому Творцу, к истокам своей истинной сущности, испытанием в укреплении веры, терпения, рубежным этапом и реализацией личных амбиций.

Места паломничества в Саудовской Аравии находятся на большом расстоянии от Южного Урала. Длительность хаджа в прошлом составляла от полугода до нескольких лет, а то и навсегда правоверный покидал свой дом и близких. Мусульманину приходилось преодолевать тысячи километров. Совершение хаджа было очень трудным и опасным. В XVIII – начале XIX в. до священных мест добирались на лошадях, верблю-

дах, повозках, пешком. Паломникам рекомендовалось брать с собой припасы во избежание попрошайничества, также они могли совершать честные торговые сделки без наживы. Торговля в пути зачастую являлась единственным средством существования. Многие не доходили до Мекки, погибая в пустыне от жажды, голода, болезней, рук разбойников. К тому же условия удовлетворения религиозных потребностей мусульман в разные периоды истории обладали определенной спецификой.

В царской России религия находилась в зависимости от государства. Ее деятельностью руководили Министерство внутренних дел и местные государственные органы. Прежде чем отправиться в хадж, паломнику необходимо было пройти несколько инстанций: Оренбургское магометанское духовное собрание, Канцелярию Уфимского губернатора, уездное полицейское управление. В Оренбургское магометанское собрание духовное лицо обращалось с письменным прошением заграничного отпуска для «совершения богомолья в иностранных городах Мекке и Медине согласно обязанности магометанина».

С разрешения духовного собрания мусульманину выдавалось удостоверение на право получения заграничного паспорта. Затем готовилось ходатайство на имя

Уфимского губернатора о выдаче заграничного паспорта сроком на 6 месяцев для поклонения святыням в Мекке и Медине. На основании прошения начиналась переписка канцелярии Уфимского губернатора с полицейскими управлениями о возможности предоставления заграничного паспорта тому или иному лицу согласно его законопослушности. Выдачей паспортов занимался Департамент Духовных Дел иностранных исповеданий. С заграничным паспортом выдавалось свидетельство, в котором указывалось, что на поездку за границу паспорт «исходатайствован от губернатора». Возможность паломничества зависела в основном от Губернского правления, а не от местного начальства. Паломничество уральских мусульман не носило массового характера; хадж, сопряженный со многими сложностями, был редким явлением, притом крайне дорогостоящим мероприятием. Пятый столп ислама стремились выполнить в основном служители Оренбургского магометанского духовного собрания. Об этом свидетельствуют сохранившиеся в Центральном историческом архиве Республики Башкортостан ежегодные дела «Об увольнении в заграничный отпуск магометанских духовных лиц», «Дела о паломничестве духовных лиц в Мекку», «Прошения духовенства об отпусках, переписка по ним». Ежегодно в Мек-

*Молитва
в Арафате.*

ку отправлялись имамы соборных мечетей, имам-хатыбы, мухтасибы, мугалимы, ахуны, состоятельные мусульмане часто посылали вместо себя «вакиль аль-хаджа» – представителя духовенства, оплатив ему все необходимые расходы. Возвращались хаджи домой в зелёной чалме, арабском бурнусе или белой длиннополой тунике. Побывав в Мекке, мусульмане считали себя очищенными и часто входили в дом не через обычную входную дверь как оскверненную, а через новую, с обратной стороны дома. Когда паломник переступал родной порог, в доме резали жертвенного барашка, устраивали торжественную встречу.

Так как хадж совершался небольшим количеством людей, не было особой нужды в его организации со стороны Оренбургского магометанского духовного собрания. Духовное собрание обращалось к тематике паломничества очень редко, в основном с закрытием российских границ при возникновении эпидемий чумы в восточных странах. Различные инфекции, распространенные на Аравийском полуострове, были одной из опасностей для паломников. Правительство Российской империи заботилось о своих подданных и предпринимало специальные меры для предотвращения заражения пилигримов тяжелыми или смертельными болезнями. Отправление в хадж допускалось

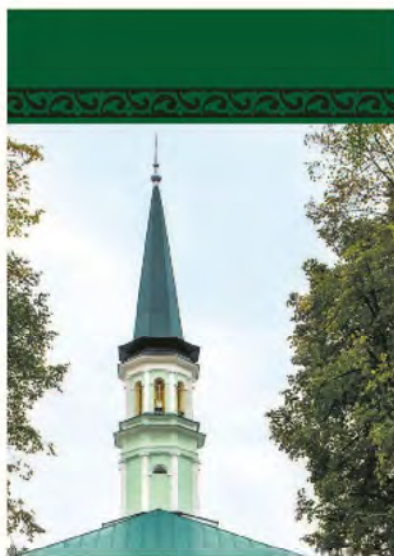
лишь из тех русских портов Черного моря, которые были утверждены Министром внутренних дел. Комиссия выявляла пригодность судна санитарным и техническим требованиям. На каждую тысячу паломников необходимо было наличие двух врачей: судового и правительственного. В распоряжение правительственного врача предоставлялась небольшая бактериологическая лаборатория с микроскопом. В случае выявления чумы, холеры или иных заболеваний на судне заранее был заготовлен лазарет, вместимость которого рассчитывалась из 2% от всего числа находящихся на судне паломников.

Если в городах, пересекаемых паломниками, возникали эпидемии, чиновники обращались непосредственно к служителям Оренбургского магометанского духовного собрания, чтобы они оказывали влияние на решение мусульман отправиться в хадж. На имя муфтия отправлялись телеграммы от представителя Высочайше учрежденной Комиссии по принятию мер против заноса в пределы империи чумной заразы. Так, например, 13 января 1898 г. была отправлена телеграмма следующего содержания: «Его Высочество Принц Александр Петрович Ольденбургский в видах общей пользы и для предохранения русско-подданных мусульман от опасности заразиться чумою и зане-

сти эту заразу в империю, соизволил обратиться к господину Муфтию с просьбой употребить все его нравственное влияние к тому, чтобы мусульмане воздержались в нынешнем году от паломничества «Хаджа» к священным местам на поклонение ввиду непрекращения в соседстве с Аравийским полуостровом чумы». Несмотря на бурное развитие транспорта в XIX в., достаточно часто паломники пропадали без вести. В таком случае духовным собранием составлялся рапорт, констатирующий исчезновение человека.

Начало XX в. в Российской империи характеризуется оживлением общественного движения, острой борьбой вокруг свободы совести. Мусульманство Урало-Поволжья выдвигало требования разрешить свободный выбор веры, исполнение религиозных предписаний ислама, освобождения от формальной приписки православию. Причиной тому было растущее национальное самосознание татар и башкир, опирающееся на ислам. Большую роль в усилении ислама сыграл и экономический подъем. В богатом татарском купечестве мусульманское духовенство находило сильную материальную поддержку и все больше укрепляло свои позиции среди населения. Улучшение транспортных коммуникаций облегчало мусульманам Российской империи общение с единоверцами Турции и Аравии и увеличивало число паломников в Мекку. В течение 4-6 месяцев паломник успевал совершить священный обряд. Все это не могло не привести к изменениям религиозной ситуации в мусульманских регионах. Некоторые послабления были и по отношению к хаджу. Так, в 1908 г. в хадж мусульмане могли отправиться без особой проверки Министерства внутренних дел. Постепенно в вероисповедной политике Российской империи стала замечаться тенденция в сторону проведения реформ с целью отмены наиболее одиозных ограничений религиозной жизни иноверных исповеданий. Однако под давлением революции был взят курс на радикальные реформы.

В советский период количество паломников строго регламентировалось (не более 20-30 чело-

*Паломники в уфимском
международном аэропорту.*

*Уральские паломники у мечети Айши.
Фото Ш. Сижаяева.*

век со всей страны). Паломничество к святым местам не приветствовалось, к тому же многие, совершившие хадж в конце 1920-х годов, были репрессированы. Во время Второй мировой войны возможность хаджа исключалась. Большим событием в религиозной жизни верующих стало возобновление паломничества в 1940-е годы XX века. В 1945 г. по разрешению правительства из Башкирии в хадж отправились 17 человек во главе с муфтием. Добиваться разрешения и организовывать паломничество было очень трудно. Сотни просьб о включении в группу оставались неудовлетворенными. В списках желающих по областям и республикам, предоставляемых председателю Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР, указывалась фамилия, имя, занимаемое положение и адрес заявителя. Паломники проходили строгий отбор.

В 1946 г. ЦРК при Совете Министров СССР не санкционировал паломничество ввиду возникших непредвиденных путевых затруднений. Эти затруднения заключались: «а) в отсутствии, вследствие послевоенных обстоятельств, должного порядка и четкой организации автомобильных путей сообщения в страны Ближнего Востока, через которые должны проезжать паломники, что грозит непредвиденными обстоятельства-

ми в пути и не гарантирует, во всяком случае своевременного, прибытия к месту назначения; б) в отсутствии железнодорожных путей сообщения; в) крайней ненадежности морского пути и г) невозможности воздушного сообщения на специально зафрахтованных самолетах ввиду наличия в 1946 г. особо тяжелой метеорологической обстановки».

Так как в 1946 г. хадж не состоялся, муфтию З. Расулеву было рекомендовано включить в список 1947 г. лиц, подавших заявления в прошлом году. В хадже 1947 года приняли участие 40 человек от всех четырех духовных мусульманских управлений, в том числе 10 человек от ДУМЕС. Паломничество должно было производиться за счет самих верующих. Поездка обходилась в 10 тыс. руб., из них по 3,5 тыс. руб. переводились в ЦРК СССР для дальнейшего их обмена на валюту. Большую часть денег верующим предоставляли духовные управления. Правительство СССР организовало перелет из Москвы в Тегеран на специально зафрахтованном самолете (стоимость перелета каждого пассажира составила 3 тыс. рублей), а из Тегерана верующие добирались в Мекку железнодорожным, водным и автомобильным транспортом. В 1948 г. паломничество не состоялось «из-за политических осложнений в некоторых арабских странах и холеры в Египте».

Одной из причин ограничения паломничества в Мекку и Медину было отсутствие дипломатических отношений между Советским Союзом и Саудовской Аравией, поэтому возникала необходимость получения визы для советских граждан через третью страну. К тому же существовали трудности с валютой, которые ограничивали поездки за пределы СССР. «Хадж по-советски» можно уподобить туристическим поездкам в капиталистические страны, участники которых также проходили сито идеологического отбора.

Смена государственной политики в сфере свободы совести, перемена отношения к религии и ее институциональным образованиям со стороны субъектов политического процесса повлияли на проявление религиозности мусульман Южного Урала. В Российской Федерации после распада коммунистического строя наметилась тенденция к увеличению числа желающих отправиться в хадж. Представители различных конфессий, в том числе и мусульмане, получили возможность открыто говорить о своей приверженности к той или иной религии, о желании совершать религиозные обряды. С конца 80-х – начала 90-х гг. XX в. появилась возможность свободно отправляться в хадж. Первая большая группа паломников из СССР (около 1,5 тысячи человек) впер-

вые прибыла в Мекку в 1990 г. после десятилетий запрета. Ее возглавил тогдашний верховный муфтий мусульман Советского Союза Талгат Таджуддин. В 1990-х гг., например, из Башкортостана, одного из крупных регионов Южного Урала, регулярно отправлялись в хадж от 50 до 200 человек. Количество паломников из Башкирии в настоящее время измеряется не десятками, а сотнями. Это один из показателей развития религиозной жизни республики. Если в 2001 г. общее число отправившихся в хадж составило 42 человека, то в 2007 г. их число выросло до 350. В 2005–2007 гг. ежегодный показатель темпов совершения обряда увеличивался в среднем на 70%. С 2008–2010 гг. динамика хаджа пошла на спад, количество паломников сократилось в связи с финансовым кризисом и повышением стоимости поездки. С 2011 г. вновь наблюдается существенный рост паломников.

Среди уральских мусульман, пожелавших совершить хадж есть и духовные, и светские лица. Их средний возраст составляет 50–60 лет. Основная масса хаджи – искренне верующие мусульмане, стремящиеся исполнить свой религиозный долг. Наиболее стабильной группой хаджиров с 1990 г. являются женщины, в настоящее время они составляют больше половины всех паломников. Основное ограничение для участия женщин в хадже – сопровождение близкого родственника, хотя эта проблема преодолевается покровительством представителя духовного управления. Несмотря на высокую духовную значимость хаджа, мусульмане нередко используют его для занятий коммерцией. Среди хаджи можно выделить небольшую группу бизнесменов и предпринимателей. Однако наличие финансовых возможностей в настоящее время не является стимулом для исполнения пятого столпа ислама. К политически ангажированным паломникам относятся чиновники, депутаты, главы администраций, члены партий или общественных объединений. 10% хаджи так или иначе задействованы в политике.

В начале 1990-х гг. XX в. была очевидной тенденция совершения хаджа бывшими советскими партийными лидерами, а затем и

политиками всех уровней. Паломничество совершили высшие руководители стран СНГ – Гейдар Алиев (Азербайджан), Аскар Акаев (Киргизия), Сапармурат Ниязов (Туркмения), Ислам Каримов (Узбекистан) и Нурсултан Назарбаев (Казахстан). Эти государства возглавили президенты-хаджи, принесшие клятву на верность народу и родине на Коране. Главы отдельных субъектов Российской Федерации также совершили хадж и приобрели статус хаджи. Еще до того, как стать президентами, совершили хадж Минтимер Шаймиев (Татарстан), Муртаза Рахимов (Башкортостан), Ахмад Кадыров (Республика Чечня). Многие депутаты Государственного собрания Республики Башкортостан публично подчеркивают, что были в хадже, добавляя к своей должности титул хаджи или хаджия.

В России вопросы паломничества федеральным законом отнесены в компетенцию религиозных организаций, которые отделены от государства. Организацией хаджа занимаются туристические фирмы под непосредственным контролем духовных управлений. Они берут на себя все заботы по обеспечению паломника билетами на транспорт, местом в гостинице, питанием и т.п. В то же время Российское государство оказывает содействие в организации паломничества мусульман к святым местам в Саудовской Аравии. Договоры и соглашения о сотрудничестве заключены с мусульманскими духовными управлениями как рядом федеральных министерств и ведомств, так и органами власти субъектов Федерации. В хадж по собственному желанию может оправиться каждый гражданин РФ, имеющий заграничный паспорт. Ограничивают количество паломников из разных стран лишь ежегодные квоты, введенные Саудовской Аравией в 1988 г. Квота для России – 20 000 верующих ежегодно, по 1000 от каждого миллиона мусульман. Однако из-за экономических трудностей в период с 1990 по 2006 г. Мекку посещало значительно меньше россиян. В 2007 г. в хадж отправилось рекордное количество мусульман России – 18 тысяч человек. С 2009 г. наша страна полностью по-

крывает квоту 20500 человек, и по сведениям Совета по хаджу, 10 – 15 тысяч человек остаются без путевок.

Для того чтобы совершить хадж и выполнить все обряды, уральскому мусульманину необходимо иметь около 150 тысяч рублей. Это ощутимая сумма для региона. Возможно, этим можно объяснить попутные занятия коммерцией части паломников. Однако отсутствие финансов не является препятствием для искренне верующего мусульманина. Многие из них копят средства на протяжении многих лет, работая в нескольких местах и даже выйдя на пенсию. Пожилые паломники едут на собственные сбережения, либо им помогают дети. Постепенное увеличение паломников в Мекку дает положительные результаты для мусульман Южного Урала.

Во-первых, мусульмане республики в большей степени, чем прежде, интегрируются в общее мусульманское сообщество. Как известно, мусульмане Волго-Уральского региона всегда были своеобразным ареалом ислама на Европейской части России, и простые верующие крайне мало были знакомы с культурой и бытом исламских стран. Во-вторых, в настоящее время прослеживается поворот части верующих в сторону ортодоксальности, особенно среди молодых мусульман. Хадж существенно меняет отношение человека к жизни. Зачастую среди паломников встречаются те, кто плохо знает основные правила выполнения не только хаджа, но и намаза. Бывает даже, что люди совершают намаз первый раз в жизни, приехав в Мекку. Однако очень много примеров, когда человек возвращается из хаджа глубоко религиозным и начинает выполнять все предписания ислама. В-третьих, современные хаджи, численность которых растет из года в год, влияют на развитие процесса политизации ислама. Хаджи составляют элитную часть внутри сообщества верующих и могут оказывать эффективное воздействие на формирование общественного климата у себя на родине. В перспективе прогнозируется увеличение числа паломников из уральских регионов и расширение их состава.

ДРЕВНИЕ МУСУЛЬМАНСКИЕ ПАМЯТНИКИ БАШКОРТОСТАНА И ТАТАРСТАНА

Одним из важнейших направлений в деле развития отечественной археологической науки является «этническая археология» Волго-Уральского региона, появление которой легко объяснимо, поскольку в крае рядом проживают представители самых различных этносов, трех больших языковых групп: тюркской, финно-угорской и славянской. Естественно, что для представителей этих народов злободневным является вопрос этногенеза и этнической истории их непосредственных предков. Но сейчас пришло время для выделения еще одного социального направления в региональной науке о древностях — «мусульманской археологии», призванной решать вопросы культурно-идеологического развития в эпоху средневековья у таких крупных этносов, какими являются татары, башкиры и мишари.

Геннадий Гарустович,
кандидат исторических наук

Средневековые каменные надгробия на территории мусульманского кладбища «Акзиарат», расположенные к юго-западу от мавзолея Хусейнбека (Чишминский район РБ).

Данные народы, когда-то принявшие идеологические новации и принципы единобожия, объективно стали частью мировой Исламской цивилизации. Строго говоря, этот акт повлиял на все стороны жизни неопитов, и до сих пор он является важнейшим элементом этнического самосознания. За прошедшие столетия в регионе появилось множество памятников, связанных с исламом. Да и как могло быть иначе, если у башкир со времени начала проникновения к ним мусульманской религии прошло около 10 веков, а у татар этот отрезок истории был еще продолжительнее...

Так уж получилось, что мне пришлось всю жизнь изучать памятники мусульманской культуры в регионе, и это позволяет говорить о том, что одному-двум специалистам «поднять» данное на-

учное направление – просто не по силам. Поэтому я буду больше акцентировать внимание читателей не на том, что сделано, а на том, что еще предстоит сделать. Можно рассматривать мои слова не только в качестве заявки нового познавательного направления, но и как обоснование научной темы...

Территориальные рамки рассматриваемого материала включают лесостепную зону Башкирского Предуралья (с привлечением памятников восточного Татарстана и Самарской области) и Зауралья (юг Свердловской, Челябинской и западная часть Курганской области). Сложнее составить представление о хронологических рамках мусульманских древностей в регионе. На сегодняшний день самые ранние памятники датируются здесь X в., но не

исключено, что в будущем будут выявлены археологические объекты IX века (такое предположение реально для территории Татарстана). Таким образом, если весь процесс исламизации делится на три этапа: I. – проникновение новой религии, II. – распространение монотеизма, III. – утверждение ислама, то нас больше всего интересуют первые два.

Поскольку мусульманские памятники, близкие к современности, находятся «в сфере интересов» этнографической науки, верхний предел для археологии мы фиксируем XVI–XVII вв. Это актуально и в связи с тем, что где-то в этом промежутке происходит замена раннемусульманского похоронного ритуала современным (ортодоксальным) обрядом. Более конкретно о времени смены двух видов обрядов захоронений мы сможем говорить лишь после дополнительного изучения данного вопроса.

А теперь скажем, о каких памятниках археологии мы ведем речь. Все мусульманские объекты эпохи средневековья в регионе делятся на три группы: а) грунтовые могильники; б) некрополи с каменными надгробиями и исламскими эпитафиями; в) мавзолеи-кэшэнэ. Когда мы рассуждаем о необходимости комплексного подхода к изучению мусульманских памятников Башкортостана, это продиктовано не только большим числом изучаемых объектов, но и их позна-

Святое кладбище «Акзиарат»

*Надмогильные
камни
с эпитафиями
и тамгами.*

*Обратная сторона
каменного надгробия с
вырезанной на ней тамгой
башкир-минцев.*

вательной «разноплановостью». Грунтовые могильники раскапывают археологи (но здесь важны также антропологические исследования человеческих черепов); однако в могилах попадают не только останки людей, но и кости животных (особенно лошадей) – значит, нужны остеологические анализы; динамику изменения похоронной обрядности и

влияние идеологических догматов на все стороны жизни этноса, изучают этнографы; мусульманские эпитафии на надмогильных плитах разбирают специалисты по восточной эпиграфике, а понять архитектурно-строительные особенности исламских монументальных усыпальниц могут лишь люди с архитектурным образованием. Вот и получается, что «ис-

ламская археология» не только включает в себя раскопочные работы, но и подразумевает тесное взаимодействие со специалистами различных, весьма сложных областей знаний. При этом было бы неверным утверждать, что будущим религиоведам придется начинать исследовательскую работу на пустом месте, поскольку предыдущими поколениями ученых-гуманитариев было сделано довольно много. Правда, сделать предстоит значительно больше. И еще. Далее мы будем говорить лишь о научных материалах, имеющих отношение к башкирам и к исламу у башкир. Это связано с тем, что в Татарстане уже имеется представительная группа своих собственных специалистов-религиоведов, которые не просто произносят красивые слова – как у нас, но еще и дело делают...

Итак, первый тип памятников – «грунтовые могильники», включает в себя самое большое чис-

*Фундамент мавзолея
«Малый кэшэнэ».
Фото 1972 года.*

*Вид надгробной
плиты
с эпитафией.*

*Вид развалин мавзолея Хусейнбека
(до его перестройки в 1911 г.)
в центре кладбища «Акзиарат» (Чишминский район РБ).
Фото С.М. Прокудина-Горского, 1909 год.*

ло изучаемых объектов. По нашим подсчетам, в лесостепной зоне Южного Урала, по обеим сторонам Уральского хребта, сейчас известно более 70 погребальных (разной степени изученности) памятников непосредственных предков башкирского народа. В Восточном Татарстане (восточнее рек Зай и Шешма) локализуются такие крупные раннему-

сульманские некрополи, как Так-талачукский, Гулюковский, Азметьевский-1, Дербешкинский, Тураевский-2, Старо-Варяжский-1 и -2, Старо-Селищенский, а также много других могильников. В пределах Башкортостана выявлены такие крупные погребальные памятники, как: Кара-Яр, Казыбиргян, Тукмак-Каран, Карповский, Куштирякский, Нагайбак-

ский (на р. Ик); Сингряновский (на р. Сюнь); Янгизнарлат, Старо-Нагаевский-2, Базитамакский, Кушулевский-2, Байгильдинский, Казакларовский, Ахметовский-1 и -2, Резановский, Таганаевский, Шиповский-3 (поздний), Охлебининский-2 (поздний), Ибрагимовский, Шах-Тау (все – на р. Белой); Горновский, Нижне-Хозятовский, Караякуповский, Нижегородский-3 (на р. Деме). К данной группе примыкают памятники к северу от русла р. Белой: Алтаевский (на р. Б. Танып) и могильники на р. Сылве в Пермской области - Селянино Озеро и Усть-Кишерть, а также Бельский Шихан в Удмуртии. Интересная серия ранних памятников уральских племен выявлена археологами в бассейне реки Волги, в Самарской области (Ош-Пандо-Нерь, Бахиловский, Лебяжинский), но там же расчище-

*Надгробие Хусейнбека
сына Омарбека (год смерти – 1339 г.) внутри камен-
ного мавзолея.
Фото С.М. Прокудина-
Горского, 1909 год.*

Кэшэнэ Хусейнбека после его перестройки в 1911 г. (Чишминский район РБ).

ны более поздние захоронения (XIII–XIV вв.; Старо-Елшанский, Максимовский, Вилотовский, Тепловский). Хуже всего изученными мы считаем некрополи Зауралья, но и там известно несколько интересных могильников: Пылаевский, Мысовский, Перегон (Свердловская обл.); Казакбаевский (Челябинская обл.); Замаревский, Козырь (Курганская обл.) и другие.

Общее количество исследованных погребений на этих могильниках приближается к 900 захоронениям, и все они оставлены башкирами-полукочевниками в начале II тысячелетия н.э. (в XII–XIV веках). В этих могильниках вскрыты в основном мусульманские захоронения, которые специалисты относят к чияликской археологической культуре предков башкир. К слову сказать, к этой группе памятников примы-

кают курганные могильники (Каранаевский, Бакалинский, Мрясимовский, Смолинский, Макушинский, всего свыше 70 погребений), оставленные уральским языческим населением накануне принятия ими ислама. Вот таким мощным объемом располагает источниковая база по заявленной нами теме на сегодняшний день, и это лишь в одной своей категории (правда, в основной). Но в нашем случае количество никак не перерастет в качество. То есть, говоря другими словами, – научный анализ древностей башкирского народа ведется у нас больше на словах, нежели на деле.

Второй тип мусульманских памятников Башкортостана – кладбища с каменными надгробиями, на которых вырезаны эпитафии на тюркском или арабском языках. Таких объектов нам известно 13, и все они локализируются в цен-

тре Башкортостана или к западу от него: Максютовское кладбище (Кушнаренковский р-н); Сынташ, Красный Ключ (Чишминский р-н; к этой группе примыкает надгробие из мавзолея Хусейнбека); а также камни с эпитафиями – Старо-Калмашевское (Чекмагушевский р-н); Урсаевские (Азнакаевский р-н РТ); Клятлинское (Нижнекамский р-н РТ) и др. На всех плитах указаны даты смерти людей, во всех случаях это XIV век. Раскопки проводились на территории лишь двух некрополей – Максютовского и Япрыковского (Туймазинский р-н), и здесь были обнаружены выдержанные мусульманские захоронения. По нашему мнению, данный тип памятников принадлежал небольшой группе пришлого населения, посланного в Башкортостан в составе представителей администрации Улуса Джучи. Но в целом некрополи

с эпитафиями, пока еще изучены у нас в республике явно недостаточно. Особенно необходимы дальнейшие раскопки на территории кладбищ, а также поиск новых каменных надгробий.

Последним видом памятников Башкортостана, рассматриваемым нами, являются мусульманские мавзолеи, которые относятся к категории археолого-архитектурных объектов. Всего нам известно 4 мавзолея, относящихся к двум различным архитектурным школам культового мемориального зодчества Золотой Орды: каменные усыпальницы (Хусейнбека, Тура-хана и «Малый кэшэнэ»; все расположены в Чишминском р-не) и кирпичные мавзолеи (Бэндэбике; Кугарчинский р-н). Из трех объектов зодчества из Центрального Башкортостана свою первоначальную форму сохранил лишь кэшэнэ Тура-хана, но до нас дошло сообщение о том, что мавзолей Хусейнбека ранее имел аналогичные архитектурные портално-купольные формы.

В 1911 г. по распоряжению уфимского муфтия Мухаммедьяра Султанова полуразрушенная к тому времени усыпальница была перестроена, при этом граненый

купол был заменен полушаровидным, а сама постройка приобрела центрические формы. Наши раскопки 1985 г., проводившиеся внутри двух мавзолеев (Хусейнбека и «Малого кэшэнэ»), полностью подтвердили то, что мы имеем дело с семейными усыпальницами. Внутри кэшэнэ Хусейнбека расчищено 9 погребений, шесть из которых принадлежали детям разного возраста. Молекулярно-генетический анализ костных останков показал, что рядом с самим Хусейнбеком (выходцем с территории Средней Азии; антропологический тип Среднеазиатского междуречья) покоилась его жена-монголка (Южносибирский антропологический тип) и ее родной брат. В «Малом кэшэнэ» выявлено 4 разновозрастных погребения (двух взрослых, старухи и подростка). Все три каменные усыпальницы были построены в XIV веке (в период правления ханов Узбека и Джанибека) для умерших на Урале представителей золотоордынской администрации. Никаким миссионером Хусейнбек не был (как и члены его семьи), поскольку башкиры приняли ислам задолго до 1339 г. (это год его смерти, указанный в тексте эпитафии).

Единственный в республике кирпичный мавзолей Бэндэбике раскапывался в конце 60-х годов XX столетия археологом Н.А. Мажитовым. Там внутри своеобразного каменного склепа располагалось захоронение женщины, уложенной, в соответствии с нормами шариата, без вещей (XIV в.).

Данный тип мавзолеев характерен для степной полосы региона. Свои архитектурные формы сохранили мавзолеи Варнинский (Челябинская обл.) и Абат-Байтак (Актюбинская область Казахстана), и еще больше кирпичных усыпальниц дошло до наших дней в разрушенном состоянии (Жангыз-Агаш Кара-Яр и Каргалинский в Казахстане, Изобильненский и три мавзолея Тептяри в Оренбуржье; Троицкий – в Челябинской обл.).

Появление кирпичных усыпальниц в «глубинах» открытой степи было непосредственно связано с политикой исламизации кочевого населения Улуса Джучи в XIV веке, проводимой Узбеком и Джанибеком. Башкиры (полукошечники лесостепной зоны) к этому времени уже несколько столетий были последовательными приверженцами монотеизма.

*Вход в мавзолей
Хусейнбека.*

*Кэшэнэ Тура-хана
(Чишминский район РБ).*

ТРАДИЦИОННЫЕ ШКОЛЫ БАШКИР И ТАТАР: МЕКТЕБЫ И МЕДРЕСЕ

Вплоть до 20-х годов прошлого столетия школа тюркских народов Урало-Поволжья была тесно связана с исламской религией и ее деятельность осуществлялась на многоязыковой основе. Как известно, проникновение мусульманской религии в край началось еще на рубеже I–II тысячелетий нашей эры. В период Золотой Орды, особенно при хане Узбеке (годы правления 1312–1342 гг.), Ислам утвердился среди местной знати. К середине же XVI в. исповедовала ислам и основная масса башкир и татар. Неслучайно при принятии башкирами в середине XVI в. русского подданства им была обещана полная свобода в отправлении «религии предков». Это гарантировало и поступательное развитие в Башкортостане традиционной системы мусульманского образования.

*Марсиль Фархшатов,
заведующий
отделом истории
Башкортостана
ИИЯЛ УНЦ РАН*

Отдельные элементы исламского образования начали распространяться среди башкир и татар уже с X в. Известно, например, что в раннее средневековые некоторые выходцы из Башкортостана обучались в Булгарском и Казанском ханствах, а также в городах Ближнего Востока (Багдад, Халеб), Туркестана (Бухара, Самарканд) и Египта. Религиозные знания в крае распространяли среднеазиатские миссионеры (например, Хусаин-бек бин Омар-бек, умерший в начале 40-х годов XIV в. и похороненный недалеко от современного поселка – центра Чишминского района Республики Башкортостан). После взятия Казани войсками Ивана Грозного на Южном Урале нашли прибежище многие татарские муллы и абызы, которые стали учить единоверных башкирских детей грамоте. Таким образом в башкирском крае появились зачатки мусульманского книжного образования, которые получили дальнейшее развитие уже в составе Русского государства.

Установить точную дату появления первых постоянно действующих школ в Башкортостане трудно. По сохранившимся письменным источникам это произошло не позднее XVII в. В XVIII в. уже действовали крупные медресе в д. Суюндук (открыто в 1709 г.), д. Бала Чытырман (1713), д. Стерлибаш (1720), Сеитовом посаде (Каргала) под Оренбургом (1745), д. Бураево (1755), д. Тазларово (1767), д. Балыклы (1771), д. Курмантаево (1786) и т. д. Некоторые из них превратились в настоящие культурно-просветительские центры края, куда приезжали учиться юноши и из соседних регионов: Казанской губернии, казахских жузов.

В центре Башкортостана особенно выделялось Стерлибашевское медресе, размещавшееся еще в 1780 г. в четырех зданиях, где работали кроме мудarrisа еще восемь его помощников – хальфов, или учителей. Одним из них был башкир Искужа бин Зайнагабдин из племени степных бурзянцев, который преподавал, кроме прочего, и арабский язык.

В Оренбургском крае ведущее место занимали медресе торговых татар Сеитовской слободы

*Преподаватели медресе «Галия» (1916 г.).
В переднем ряду в центре Зия Камали,
справа от него Галимджан Ибрагимов.*

(в 1784 г. переименована в Сеитовский посад), в которой обучалось также значительное количество окрестных башкир и казахов. По сведениям на 1799 г. в Сеитовском посаде функционировали четыре мечети, и по традиции при каждой из них работала школа. Среди многочисленных мудarrisов Сеитовского посада особым уважением пользовались Габделрахман Шарипов (1743–1826), названный видным татарским богословом и просветителем Шигабудином Марджани «самым известным ученым своего времени», и Валиэтдин бин Хасан (1747–1831). Именно такие учителя приносили славу местным медресе. «Во время преподавательской деятельности мудarrisа Габделрахмана, – писал Мухаммад-Салим Умитбаев, – оренбургское село Каргала как центр религиозных и светских наук не отставало от самой Бухары».

К концу XVIII в. в пределах только Оренбургской губернии насчитывалось уже около 100 крупных мусульманских школ. Число же мелких школ не поддается точному учету. Но участники академических естественно-научных экспедиций 1768–1774 гг. после посещения края писали, что в большинстве башкирских и татарских деревень имеются мечети и «духовные наставники или абысы, которые [в школах] юношество наставляют и молитвам учат». «Оби-

лие» школ и мечетей в Башкортостане отмечал и преосвященный Августин, обозревавший в 1806 г. Оренбургскую епархию.

Местные башкирские и татарские школы как по форме организации, так и по содержанию учебно-воспитательного процесса были похожи на учебные заведения всего мусульманского мира. Они носили наднациональный характер, то есть обучали детей и других окрестных мусульманских народов, например, казахов. Преподавательский состав был также интернациональным: наряду с учителями из башкир и татар работали казахи, а даже выходцы из Средней Азии и Северного Кавказа (Дагестана). Наиболее известным иностранным мудarrisом в башкирском крае в XVIII в. был Ишнияз бин Ширнияз ал-Хорезми (ум. в 1791 г.), долгие годы работавший в медресе Сеитовского посада.

В башкирских и татарских школах применялась арабская письменность, которая постепенно вытеснила орхон-енисейскую, распространенную ранее в быту тюркских народов. Традиционный набор учебных предметов строился на основе раннесредневековых классических трудов Востока, написанных на арабском и персидском языках. Использовались также учебные пособия среднеазиатских и местных авторов на литературном языке тюрки, по-

*Каменное здание
медресе «Галия» в Уфе
(фотоснимок после 1908 г.).*

нятом всем тюркским народам. Применялись и книги на османско-турецком языке. Основными языками обучения выступали арабский и родной язык учащихся.

Учебные заведения башкир и татар были всеобщими: наряду с детьми зажиточных слоев в них обучались и дети бедняков. Большинство школ содержалось за счет добровольных пожертвований прихожан. Вместе с тем были и училища, финансируемые муллами, старшинами и баями или же имеющие доходы с вакуфов – пожертвованных недвижимых имуществ (земельные участки, лавки, мельницы и т. п.). Российское правительство абсолютно не участвовало в материальном обеспечении башкирских и татарских школ, считая их частными религиозными учебными заведениями.

Традиционные башкирские и татарские учебные заведения обычно располагались в отдельных зданиях при мечетях. Они делились на начальные (мектеб) и повышенные (медресе). Основная цель первых состояла в религиозном воспитании подрастающего поколения и сообщении первоначальных сведений об исламской религии. В соответствии с этим строился и учебный курс. Сначала шакирды (ученики) устно изучали арабский алфавит, после чего приступали к чтению Корана (по книге Афтийак) и книг духовно-назидательного содержания на тюрки: «Ахыр заман китабы» («Книга о конце света») Суфи Аллаяра, «Мухаммадийя» Мухам-

мада Челеби, «Кисса-и Йусуф» Кол Гали, «Рисала-и Газиза» Тажутдина Ялсыгулова и др. В некоторых мектебах преподавались также письмо и счет.

После трех-, четырехлетнего пребывания в мектебе ученики могли продолжить образование в медресе, традиционная программа которого включала грамматику арабского языка (сарф и наху), логику (мантик), мусульманское богословие (гакида и калам) и право (фикх). По усмотрению заведующих повышенными школами – мударрисов в некоторых из них дополнительно преподавались риторика, правила стихосложения, астрономия, математика, каллиграфия и другие предметы. Почти все учебники и учебные пособия, применяемые в медресе, были написаны на арабском или персидском языке. Но при их изучении мударрис опирался на родной язык учащихся.

Учеба в медресе продолжалась около десяти лет, после чего его выпускники могли занять духовные должности (мухтасиб, ахун, имам, хатиб, муэдзин) или стать учителями (абыз, хальфа или мугаллим). В конце XVII – начале XVIII века наиболее пытливые башкирские юноши после окончания медресе направлялись для пополнения своих знаний в Дагестан, Крым и Османскую империю, а позднее, особенно после построения г. Оренбурга, в Бухару и Самарканд.

Кроме мектебов и медресе в Башкирии широко была распро-

странена домашняя форма обучения, прежде всего для девочек. Организованные мусульманские школы предназначались только для мальчиков и юношей, поэтому девочки обучались грамоте, прежде всего чтению, у жен мулл – абыстаев в домашних условиях. Таких домашних пунктов обучения было немало. Так, немецкий ученый И. Г. Георги после посещения в 1770 г. Башкортостана писал о существовании в башкирских деревнях наряду со школами для мальчиков множество школ для девочек.

Мектебы и медресе башкир в целом справлялись со своими задачами по религиозному обучению и воспитанию подрастающего поколения. Помимо этого они способствовали распространению элементарной грамотности среди населения. У башкир, писал тот же И. Г. Георги, как и у других мусульманских народов, «грамотное знание и школы в употреблении».

Вместе с тем грамотность в рассматриваемое время была привилегией преимущественно зажиточных слоев населения. Поэтому среди простых башкир, по сообщению посетившего край в 1770 г. академика И.И. Лепехина, «по редкости... чтецов» было распространено даже так называемое узловое письмо.

Башкирские и татарские медресе готовили сотни духовных и педагогических кадров. По сведениям 1792 г., в Башкортостане насчитывалось 246 мечетей, а при каждой из них «по 1 абызу (мул-

ле) и по 1 пономарю (муазину)», итого 492 духовных лица. Некоторые признанные религиозные деятели того времени были настолько влиятельными, что обладали даже правом выдавать предварительные разрешения на строительство мечетей, назначать к ним имамов, выносить на основе шариата и сунны самостоятельные богословско-правовые решения, то есть фетвы. Среди них наиболее влиятельными были ахун Валид бин Максуд бин Дустмухаммад из д. Кармаскалы (ныне Кармаскалинский район Республики Башкортостан) и ахун Габдулла бин Муслим бин Хайдаргали из д. Ахуново (Учалинский район).

Разумеется, не все выпускники медресе выбирали духовную карьеру. Некоторые находили применение своим знаниям на педагогическом поприще, иногда и за пределами Урало-Поволжья. Известно, например, что с конца XVIII в. отдельные башкиры и татары зарабатывали себе на жизнь обучением грамоте и основам религии казахских детей.

Неуклонное расширение сети мусульманских школ в крае требовало государственных органов. Мектебы и медресе рассматривались ими как одни из главных очагов «мусульманского фанатизма» и распространения среди местных мусульманских народов, особенно среди башкир, оппозиционных настроений. В ходе широкомасштабных антиисламских кампаний XVIII в. имперских властей в Башкирии наряду с мечетями были разрушены и сотни школ, а остальные должны были быть поставлены под контроль. Еще в 1735 г. начальник Оренбургской экспедиции И. К. Кирилов предлагал центральным властям сократить в Башкортостане количество медресе и мечетей, а мусульманское духовенство привлечь в качестве переводчиков для сношений с Востоком или выслать в другие губернии. И уже по закону от 11 февраля 1736 г. в Оренбургском крае было запрещено строительство мечетей и школ «без указов».

Упорядочить существование башкирских и татарских традиционных школ должно было Оренбургское магометанское духовное собрание, открытое в 1789 г. в г. Уфе как «высшее» учреж-

дение по делам мусульман Российской Восток. Действительно, открытие муфтията в центре исторического Башкортостана не прошло бесследно для школьного просвещения башкир и татар. Прежде всего было заметно ограничено домашнее обучение среди мусульман. По замыслу учредителей, Духовное собрание должно было следить, чтобы мектебы и медресе существовали «только при мечетях». Уже 5 декабря 1789 г. императрица Екатерина II строго предписала Уфимскому и Симбирскому губернатору барону О.И. Игельструму, чтобы отныне не было обучения мусульман «в домах или других местах». Эту задачу должно было решить создание института так называемых указных мулл, набираемых из числа «в верности надежных и доброго поведения» людей.

При специальном испытании кандидатов на духовные должности при Духовном собрании оценивались и их учительские способности с присвоением соответствующих педагогических званий – мударриса, мугаллима или мугаллима-сабияна. Имамы (муллы) мечетей таким образом приобретали официальное право открывать мектебы или медресе и заниматься там преподавательской деятельностью. Все остальные, даже самые образованные и имеющие выдающиеся педагогические таланты лица, не получившие права на обучение детей, считались нарушителями закона и сурово наказывались.

Формализация подбора учительского контингента башкирских и татарских школ привела к вытеснению из педагогической сферы многих способных людей, появлению коррупции при соответствующих экзаменах. Но с другой стороны, после открытия Духовного собрания произошла полная легализация в Урало-Поволжском регионе существующих мектебов и медресе, которые должны были удовлетворить все возрастающую потребность в духовных кадрах. Строительство новых мечетей (еще в 1800 г. в Оренбургской губернии их число достигло 1141, а духовных лиц при них – 1921 чел.) дало мощный импульс открытию все новых и новых мусульманских школ в крае.

В течение XIX в. количество мусульманских школ только Южного Урала (Уфимская и Оренбургская губернии) возросло до 1 200. А в 1913–1915 гг., по неполным данным земских обследований, в Уфимской губернии имелось 1579 мусульманских школ (90936 учащихся), а в Оренбургской – 367 (19056 шакирдов). Сохранялись также домашние пункты обучения. В начале XX в. в крае их было зафиксировано 1375.

Расширение сети школ сопровождалось распространением грамотности. По данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., в Уфимской губернии умеющих читать на родном языке было среди башкир 18,5 % (21,5 % мужчин и 15,5 % женщин) и татар 19,1 % (21,3 % мужчин и 16,7 % женщин), а в Оренбургской губернии – соответственно 18,0 % (22,7 % мужчин и 12,8 % женщин) и 27,7 % (32,8 % мужчин и 21,1 % женщин). (Доля знающих русскую грамоту среди башкир и татар было еще очень мало: в Уфимской губернии 0,6 % башкир и 2,7 % татар, а в Оренбургской губернии – соответственно 1,8 % и 7,0 %.)

На рубеже XIX–XX вв. открылась новая страница в истории мектебов и медресе края. Под влиянием развития капиталистических отношений и формирования башкирской и татарской наций они стали преобразовываться на новых началах. Менялись их цели, внутренняя организация, методы и содержание образования, приемы воспитания в них. Преобразование традиционных религиозных школ вызвало широкий общественный резонанс и положило начало среди башкир и татар целому общественно-политическому движению за европеизацию идеологии, культуры, быта и нравов.

Реформа мусульманских школ началась с замены буквослагательного метода обучения грамоте звуковым, известным в народе под названием «усул-и джадид», то есть новый метод. Отсюда все движение за школьную реформу получило название джадидизма, а реформированные мектебы и медресе стали известны как джадидистские (новометодные).

В джадидистских школах были введены классно-урочная система

*Преподаватели
и слушатели курсов
по подготовке и перепод-
готовке учителей татар-
ского языка и литературы.
Уфа. 1917 г.*

обучения, годовые и выпускные экзамены, появились наглядные пособия, парты, классные доски, стали соблюдаться санитарно-гигиенические условия. На место учителя-муллы или хальфы – его помощника по школе, пришел профессиональный учитель – мугаллим, который впервые стал уважительно относиться к личности ученика, применял гуманные способы поддержания дисциплины, поощрял сознательное усвоение материала и любознательность, создавая тем самым совершенно новый нравственный климат в мектебах или медресе. Поэтому выпускники реформированных школ обладали достаточно широким кругозором, обладали устойчивым интересом к печатному слову и способностью к самообразованию, имели более активную жизненную и гражданскую позицию.

Первые джадидистские школы возникли в городах. 1 января 1891 г. новометодное медресе открылось в Оренбурге. В честь своих покровителей купцов-миллионеров братьев Ахмеда, Махмуда и Гания Хусаиновых оно называлось «Хусаиния». В тот же год на средства Хусаиновых новометодный мектеб был организован в Сеитовом посаде. В 1893 г. звуковой метод обучения и преподавание светских дисциплин были введены в медресе «Расулия» г. Троицка, основанного шейхом З.Расулевым в 1884 г. В начале 90-х годов джадидистским стало и медресе «Усмания», существующее в Уфе с 1888 г.

Особой популярностью пользовалась медресе «Галия», открытое по инициативе Зия Камали (Парвазетдин бин Джамалетдин бин Камалетдин, 1873–1942) в октябре 1906 г. при Второй соборной мечети г. Уфы за счет пожертвований состоятельных мусульман как высшее (от. араб. гали – высший) учебное заведение. Оно имело 12-летний учебный курс (из них три года подготовительных), обширную программу. В медресе большая часть учебного времени отводилась на светские предметы, хотя уровень преподавания некоторых из них оставлял желать лучшего. С 1908 г. учебные занятия стали вестись в удобном специально выстроенном каменном здании.

Из городских медресе новый метод распространился в сельские мектебы, но это произошло лишь в самом конце XIX века. Даже более консервативное сельское население не могло не заметить большую эффективность новометодной школы, которая давала твердые навыки чтения и письма за несколько месяцев, для чего раньше требовались годы. Однако для широкого внедрения прогрессивных методов обучения и воспитания в деревне не хватало учителей, учеников и учебных пособий. Здесь отсутствовали также богатые покровители просвещения, а жители были более привержены к учреждениям старины. Однако с развитием товарно-денежных отношений, ускорением процесса

модернизации башкирского и татарского обществ наблюдалось постепенное углубление реформы примечетских учебных заведений. В результате в начале XX в. в Урало-Поволжье более половины из них приобрели вид более или менее организованной на европейский лад школы.

Противодействие реакционных сил, так называемых кадимистов (от араб. кадим – старый), а главное – относительно низкий уровень развития местного мусульманского общества не позволили довести реформу мектебов и медресе до конца. Новометодная школа не стала в полной мере светским учебным заведением, хотя по постановке учебного дела она далеко ушла вперед по сравнению со старой, конфессионально-схоластической. Незавершенность школьной реформы в свою очередь сдерживала культурное развитие башкир и татар.

Тем не менее, джадидистские мектебы и медресе сделали много для распространения среди мусульман края грамотности и основ научных знаний, подготовки кадров национальной интеллигенции, приобщения их к мировой культуре. Поэтому не случайно на рубеже XX и XXI столетий при возрождении мусульманского образования в России был широко использован опыт уфимской «Галии», оренбургской «Хусаинии», казанской «Мухаммадии» и других новометодных медресе Урало-Поволжья.

*«Подлинно создали
Мы вас от одного
отца и матери
и сделали вас
(различными)
народами и
племенами, дабы
вы познавали друг
друга, подлинно
наидостойнейший
из вас – наиболее
богобоязненный!»*

*Сура «Аль-Худжурат»,
аят 13*

ДРУЖБА И СОТРУДНИЧЕСТВО С ИСЛАМСКИМ МИРОМ – СТРАТЕГИЧЕСКИЙ КУРС РОССИИ

Земфира Карабаева

В исторической ретроспективе функция международно-го сотрудничества ЦДУМ проявила себя как таковая сравнительно недавно – в 60- 70-е годы прошлого столетия. Связи с зарубежными мусульманскими центрами были особенно активны во время председательства муфтия Шакирьян-хазрат Хиялетдинова, который неоднократно участвовал в работе международных конференций по защите мира и социальной справедливости. В год своего 80-летия муфтий был награжден золотой медалью «За мир и укрепление дружбы между народами».

В самом ДУМЕС в те годы был проведен целый ряд встреч, приемов делегаций Сингапура, Египта, Марокко, Ливана, Йемена. С миротворческой миссией выступали члены уфимского муфтията на Всемирном Конгрессе миролюбивых сил в Москве, в поддержку народов арабских стран против израильской агрессии. В ежегодных отчетах ДУМЕС значатся приемы как религиозных деятелей, так и делегаций из ГДР, США, Англии, прибывающих в Советский Союз с ознакомительной целью. Наряду с Уфой, в Москве, Ленинграде имам-хатыбы постоянно принимают у себя зарубежных гостей. Выезжали сотрудники ДУМЕС, имамы в зарубежные страны – Алжир, Болгарию, Саудовскую Аравию, Бангладеш, Индию. В рамках борьбы за мир во всем мире осуществляется и госзаказ – пропаганда советского образа жизни и достижений страны. Эстафета активного участия в международных конференциях была подхвачена российским мусульманским духовенством и в 80-е годы. Религиозные деятели принимали участие в обсуждении вклада мусульман Средней Азии, Поволжья и Кавказа в развитие исламской цивилизации (Душанбе, 1987 г.), «Мусульмане в борьбе за мир» (Баку, 1986 г.), выступали на международных конференциях в Ташкенте (1970 г.), Марокко (1987 г.), Баку (1986 г.), Кабуле (1988 г.). Одна из крупнейших миротворческих конференций прошла в Москве (2000 г.) – «Исламская угроза или угроза Исламу». Ее организаторы – Администрация Президента РФ, Госдума РФ, общеполитическое движение «Евразия» и ЦДУМ России. Начиная с 1990 года ЦДУМ в лице его председателя Талгата Таджуддина возглавляет работу Управления международных свя-

«Углубление отношений дружбы и сотрудничества с исламским миром является стратегическим курсом России. Мы – союзники в борьбе с терроризмом, любыми проявлениями политического и религиозного экстремизма, в противодействии другим угрозам безопасности».

(Из приветствия В.В.Путина к участникам и гостям XI саммита Организации Исламская конференция, Дакар, 13 марта 2008 г.)

зей мусульманских организаций СССР (с 1991 г. Ассоциация внешних мусульманских связей).

Первые крупные мероприятия международного масштаба ЦДУМ организовало в 1980 году – это была торжественная встреча нового, XV века Хиджри Мухаммада, да благословит его Аллах и приветствует. Был проведен по этому благословенному случаю ряд мероприятий, которые привлекли внимание не только верующих, но и многих зарубежных представителей, советских и зарубежных корреспондентов. Для встречи благословенной даты в мечеть г. Москвы были приглашены видные религиозные деятели, казыи, имам-хатыбы, шейхи и улемы ДУМЕС. На торжественном богослужении в московской мечети присутствовали послы и представители посольств арабских и мусульманских стран, аккредитованных в Москве, а также студенты, обучающиеся в вузах г. Москвы (из архива ЦДУМ России).

С участием многочисленных мусульманских организаций из стран СНГ, ближнего и дальнего зарубежья в 1989-м, в 2009-м, 2010 годах также проводились крупные мероприятия. Отмечалось 1100-летие, 1120-летие принятия ислама в России, 200-летие и 220-летие, а в этом году намечено проведение 225-летия учреждения Центрального духовного управления мусульман России.

Одно из направлений международного сотрудничества, активно реализуемого ЦДУМ, – организация международных конференций у себя в России, участие в работе научных собраний за рубежом. Так, в 2010 году ЦДУМ организовало Международный симпозиум на тему развития ислама в Волго-Уральском регионе. Собрание прошло с участием делегаций 18 государств и при активной поддержке Организации Исламская

конференция (ОИК). Это уже четвертый раз, когда ее представители прибывают в Россию на столь масштабное мероприятие. Первые две конференции прошли в Татарстане, третья – в Уфе в 2008 году. Делегация ОИК посетила ряд учебных и научных учреждений города, состоялись встречи с официальными лицами республики и председателем ЦДУМ России, Шейх-уль-Ислам Талгат Сафа Таджуддином.

Россия с 2005 года является наблюдателем в Организации Исламская конференция (ОИК). За прошедшие годы удалось достичь большего взаимопонимания с исламским миром и большего понимания в необходимости взаимодействия, что отвечает как интересам Российской Федерации, так и интересам исламского мира. Россия, вступив в эту организацию в качестве наблюдателя, показала, насколько для нас значим восточный, исламский вектор внешней политики.

В ходе визита делегация ОИК посетила Центральное духовное управление мусульман России и Соборную мечеть. В беседе Верховного муфтия с генеральным секретарем Организации исламского сотрудничества Экмеледдином Ихсаноглу речь шла о сотрудничестве и взаимоотношениях России и ОИК и выстраивании отношений с регионами России, об участии ЦДУМ в историческом процессе установления связей между Россией и Организацией исламская конференция, со странами Исламского мира. Генеральный секретарь отметил большую роль мусульманских религиозных организаций, в частности Центрального духовного управления мусульман России, в установлении тесных взаимосвязей с Россией, сохранении исторических мусульманских памятников и укреплении межнационального и межконфессионального мира и согласия, сохранении традиционно-

го ислама. Стороны выразили надежду на развитие доброго сотрудничества между ОИК и Российской Федерацией и ее регионами.

ЦДУМ активно сотрудничает с мусульманским сообществом стран СНГ. Мусульмане бывших союзных республик Страны Советов: Азербайджана, Украины, Узбекистана, Таджикистана, Белоруссии, Киргизии – знают и высоко ценят Шейх-уль-Ислама Талгата Таджуддина. Ведь он с самого начала своей духовной деятельности в ЦДУМ России вносит свой вклад в укрепление традиционных уз дружбы между народами этих стран и России. В ходе рабочих визитов представителей духовенства этих стран в Россию, делегации ЦДУМ в Узбекистан, Азербайджан, Таджикистан стороны обмениваются мнениями о состоянии сотрудничества между духовными центрами, развитии обстановки в исламском мире, о формах и методах противодействия распространению экстремизма, ваххабизма, международного терроризма. Сотрудничество осуществляется и в рамках работы Консультативного Совета стран СНГ.

В своем Послании участникам второго заседания Совета (Баку, апрель 2013 г.), научно-практической конференции «Мусульмане СНГ за мир и стабильное развитие» Владимир Путин подчеркнул: «В странах Содружества Независимых Государств проживают миллионы последователей ислама. И очень важно, что мусульманские организации ведут активный диалог, вносят значимый вклад в укрепление взаимопонимания между людьми

разных национальностей и вероисповеданий, совместно с другими традиционными конфессиями реализуют востребованный гуманитарный, просветительский, благотворительный проект». Тогда на Совете Верховный муфтий предложил свое видение решения проблемы борьбы со злом и насилием: «Как нам представляется, путь к межнациональному и межрелигиозному миру лежит через укрепление того, что для каждого человека является естественным, – через понимание собственной личности, собственной природы, собственного места в обществе, всего того, что называется «традиционной идентичностью». И только тогда, когда между всеми национальными идентичностями складываются партнерские отношения, этот союз становится мощной мобилизационной силой». Именно на этом научном форуме был поставлен вопрос о разработке общего подхода в области пропаганды ислама, об активизации совместных усилий в решении проблем миграции на постсоветском пространстве, религиозной образовательной и просветительской деятельности, в издании литературы, календарей и т. д. Было решено создать постоянно действующую между заседаниями Совета Рабочую группу Консультативного Совета по осуществлению намеченных задач, развитию отношений и сотрудничества с мусульманами СНГ и других стран, межрелигиозного сотрудничества, взаимодействия с общественными институтами, проведению встреч, научных симпозиумов в разных странах Содружества, а также за рубежом.

Через участие в различных международных конференциях ЦДУМ активно включается в диалог по выработке механизмов противодействия радикальным религиозным течениям на постсоветском пространстве и за его пределами.

На одной из таких конференций речь шла о сближении мазхабов, как факторе солидарности мусульман (Москва, 2011 г.). В докладе руководителя администрации ЦДУМ, главного муфтия Приволжского федерального округа Мухаммад-хазрат Таджуддина было подчеркнуто: «ЦДУМ России решительно осуждает любые проявления нетерпимости, вражды, экстремизма и, тем более, терроризма. Считаем недопустимым и кощунственным попытки оправдания актов террора религиозными лозунгами. Только с помощью Всевышнего, умеренностью и терпением, снисхождением и милосердием друг к другу мы сможем сохранить бесценный мир и согласие, создавая благоприятные условия для развития своей культуры и духовного наследия. ЦДУМ России выступает за последовательное развитие международных отношений с нашими правоверными братьями и заявляет о готовности вносить свой вклад в сближение позиций мусульманских сообществ мира на основе сотрудничества во имя мира и во благо народов наших стран». Тогда на конференции представителями ЦДУМ России, зарубежных мусульманских объединений было высказано резкое осуждение фактов насилия и вандализма на почве религиозной нетерпимости, осквернения религиозных святынь и атрибутики, оскорбления религиозных чувств верующих, ущемления их религиозных прав.

Обсуждение идет не только на уровне крупных научных собраний, но и в частном, если можно так выразиться, порядке.

Гости из-за рубежа, в том числе и из немусульманских стран, бывающие по делам в Башкортостане, в свою культурную программу часто просят включить встречу с Талгатом Таджуддином, им нередко нужен совет патриарха российского ислама в области межэтнических и межконфессиональных отношений. Так было и во время встречи с послом Швейцарской Конфедерации Вальтером Гигером. Ответ неизменно один: «Настоящие мусульмане живут в мире со всеми народами,

в уважении к соседу, его вере и обычаям». Что касается Швейцарии, то не самым рациональным поступком со стороны швейцарских властей Верховный муфтий считает введенный недавно в Швейцарии запрет на строительство минаретов, наделавший в свое время немало шума.

В работе по расширению и углублению связей с регионами умеренного ислама ЦДУМ акцентирует своё внимание на образовательной сфере. В этом направлении развиваются давние, исторически сложившиеся контакты с мусульманскими учебными заведениями, муфтиятом Узбекистана, активизируются связи с Королевством Марокко, которое со времени обретения независимости неизменно демонстрирует свою подчеркнуто позитивную позицию по отношению к России.

Такая позиция особенно важна на фоне ряда негативных процессов, которые протекают в современном арабском мире и которые отмечены усилением некоторых радикалистских и экстремистских сил, что привело к сужению для российских мусульман возможностей для заграничного обучения наших студентов и стажировки преподавателей в учебных заведениях многих арабских стран. Марокко же продолжает оставаться тем центром арабо-мусульманской учености, который в целом не изменяет принципам васаатыа (умеренности) классического исламского образования и сохраняет свой высокий авторитет в масштабах всего современного мира ислама.

Знаковым в развитии сотрудничества двух стран в религиозной сфере стал визит Чрезвычайного и Полномочного Посла Марокко в РФ Абделькадер Лешехеба. Верховный муфтий поделился с гостем идеями о сотрудничестве в области исламского образования, изучения арабского языка, обмена опытом. Дипломат встретился также с ректором Российского исламского университета Ринатом Раевым, преподавателями и студентами вуза, выслушал их предложения по вопросам научного обмена. Со своей стороны во время встречи с министром образования республики Альфисом Гаязовым Абделькадер Лешехеб поделился планами о возможном партнерстве в области исламского образования с религиозными и светскими учебными заведениями Башкортостана. Было предло-

жено совместно разработать четкую программу сотрудничества в религиозно-образовательной сфере между Российским исламским университетом (г.Уфа) и Марокко.

В рамках заключенного позднее Соглашения двадцать сотрудников и студентов Российского исламского университета ЦДУМ России были направлены на языковую практику в Королевство Марокко. Ожидается ответный визит марокканских студентов в уфимский исламский университет.

Столь же эффективно развивается сотрудничество ЦДУМ России с мусульманским сообществом Турции. О дальнейшем укреплении взаимоотношений между религиозными организациями двух стран, увеличении обмена информацией и опытом предоставления качественных религиозных услуг и религиозного образования говорил в своем докладе на Евразийском исламском совете Председатель ЦДУМ, Шейхуль-Ислам Талгат Таджуддин (ноябрь, 2012 г., Стамбул). Он возглавлял делегацию от своей организации в составе муфтиев Джагфар-хазрат Пончаева, Ринат-хазрат Раева, Зулькарнай-хазрат Шакирзянова. Тогда на исламском совете Ринат-хазрат Раев ознакомил участников собрания с основными направлениями деятельности возглавляемого им Российского исламского университета. РИУ сегодня полноправный член ФУИМ - Федерации университетов Исламского мира, входящей в структуру Исламской организации по образованию, науке и культуре (ИСЕСКО). К слову сказать, РИУ ЦДУМ России совместно с Советом по делам религий при Правительстве РБ и Башкирским государственным педагогическим университетом им. М.Акумлы также организует международные религиозно-образовательные собрания с участием преподавателей и теологов из Турции, Германии, Индии, Таджикистана, Узбекистана, Азербайджана.

Обмен поздравительными телеграммами по случаю мусульманских праздников, переписка, прием гостей, поездки по приглашению в связи с различными юбилейными, праздничными мероприятиями - распространенная и широко практикуемая ЦДУМ форма международного общения. В последние годы во взаимоотношениях России и Турции появилась такая форма сотрудничества,

как встречи в месяц Рамазан.

Во время Благословенного Рамазана 2012 г. Верховный муфтий дважды был в Турции. Состоялась встреча Талгат Сафа Таджуддина с министром по делам религии - господином Мехмед Гермезом. Встреча была посвящена итогам многолетнего сотрудничества духовных управлений двух стран, намечались перспективы дальнейшего взаимодействия в плане проведения Рамазана, развития религиозного образования. Как известно, Турция уже не первый год направляет в месяц мусульманского поста Кур'ан-хафизов в региональные духовные управления ЦДУМ России. Во время переговоров речь шла об изыскании возможности доотправки в Россию дополнительной группы известнейших чтецов Корана.

В завершение краткого обзора мероприятий ЦДУМ международного плана хотелось подчеркнуть: все формы международного сотрудничества ЦДУМ России пронизаны миротворческой функцией.

Во время последней, состоявшейся в Московской резиденции ЦДУМ, в сентябре 2012 г., встречи с Верховным муфтием Сирии - шейхом Ахмед Бадреддин Хассуном Талгат Таджуддин выразил тревогу и обеспокоенность всей российской мусульманской уммы по поводу событий в Сирии, пожелав скорейшего мирного решения вопроса. Он отметил, что религиозные деятели не влияют на политическую ситуацию, но их задачи остаются прежними - сохранение религиозных ценностей, достижение толерантности, призыв к миру. С сирийской стороны была выражена благодарность руководству России, которое во все времена было сторонником мирного урегулирования вопросов в арабо-мусульманском регионе.

Завершить размышления на заданную тему хотелось бы словами аята из досточтимого Корана:

«.. и помогайте друг другу в благочестии и богобоязненности, но не помогайте друг другу в грехе и вражде...»

(Сура «Аль-Маида», аят 2)

Пусть эти слова Всевышнего наполнят наши сердца, служа направлением нашим помыслам и стараниям на протяжении всей нашей жизни.